

Эдуард Шульман

Р

ассказывают о помещице, которой было лет тридцать, когда в соседнее имение приехал и подружился с нею двадцатилетний офицер — богатый и родовитый. Как-то после обеда хозяйка пригласила его прогуляться. Зашли между прочим в церковь, где застали священника пред налоем с крестом и евангелием.

На вопрос, что сей сон значит, барыня с хладнокровием пояснила, что надобно враз венчаться.

Молодой человек, в качестве жениха, отбивался, как говорят, руками и ногами. Невеста же указала на своих мужиков, вооруженных плетьюми и дрекольем, предлагая на выбор: или, дружок, высечем, или законный брак.

Нечего делать, сыграли свадьбу! Так появился на свете классик Т. Отец его возвращался из заграничного похода. Лихой молодой полковник! Победитель Наполеона!.. Покинув Париж, скакал напрямиком в орловскую деревеньку обнять престарелых родителей, пожать руку старшему брату, поцеловать молоденькую сестру.

В немногих верстах от цели наступила ночь. Темное небо вспыхнуло и осветилось. Гром, молния, ливень. Дорога поползла, лошади заскользили и привезли полковника к ближайшему жилью.

Там приняла его хозяйка — владелица четырех тысяч душ. В уезде ходили о ней разные толки, достигшие Парижа далеко не в полном объеме. Что, спасаясь от притяза-

тип красоты. Выставляем на обозрение. Наслаждайтесь! Упивайтесь! Получайте доступное удовольствие! Завершилось, однако, тем, что шустрые фрейлины (две) обольстили сыновей (старших), тайком обвенчались, были избавлены от следствия (оба семейства) и прокляты... А возлюбленный классик Т. скончался, вы знаете, холостым.

Сергей же Михайлович построил в лесной деревушке каменные палаты, куда помещал крепостных девишек, которые приглянулись. И приносили исключительно (беспечность) девочек.

Молодых матерей окольными путями доставляли Варваре Павловне. Она допытывалась, как оно так, нет ли какого способа...

Матери краснели и потупляли взор.

Варвара Павловна занемогла. Из Петербурга выписали врача — выпускника тамошнего университета — вдвое моложе своей пациентки. Сам лютеранин и выставлял себя немцем. А на деле, болтают, выкrest.

Когда-то такое пригнали в столицу. Разом с дядей. Тот в городе Бердичеве торговал лошадьми. А Пестель Павел Иванович — слышали? — полковник Пестель, по должности ремонтера, пополнял в Юж-

Сентябрь в российском литературном календаре — месяц, связанный с именами Льва Толстого и Ивана Тургенева, которые, кроме прочего, были и знатоками женской души. И если в связи с Толстым мы сразу вспоминаем Софью Берс, то в связи с Тургеневым — не Полину Виардо, а мать его — помещицу...

Версии

ра Павловна рассталась с доктором. Строго по обряду проводила мужа — как умершего естественной смертью. А девочку записала «воспитанницей» — дочерью бедных, «малодушных» помещиков.

Кабинет охранялся в неприкосновенности. В потайной ящик, где лежала карточная колода, что соединила супругов, поместила Варвара Павловна предсмертное «не могу». Сама, не допуская людей, подметала и вытирала пыль. Порою присаживалась, бормотала: «Сереза, Сереза...», — и (совершенно невероятно!) плакала.

Так передавала (кому — чуть позднее) вертлявая дочка-воспитанница, которую Варвара Павловна ласково окрестила «моя жидовочка».

Ее брат, единоутробный классик, собирал вокруг себя начинающих авторов. Листая неисчислимые манускрипты, сестрица-воспитанница наткнулась на фразу: «Круглыми бывают дураки и сироты».

Сердце упало. Состоялось сперва заочное, а потом личное знакомство. Предчувствие не обмануло: будущий классик Т-2 был сирота. Круглый. Воспитывался у тетки, которая

Бой-баба

ний отчима, бежала к дяде (кузну матери), по смерти которого — в позднем своем девичестве — оборотилась внезапно богатейшей невестой.

Полковник Сергей Михайлович был красавец. Хозяйка Варвара Павловна принадлежала к тем женщинам, что хорошеют в старости. Блондин и брюнетка. Викинг-варяг и персидская княжна. Бубновый король — пиковая дама.

Сели за карты. Король продемонстрировал новейшую (ныне забытую) парижскую забаву. Схватившая и проворная дама освоилась на лету.

— Талант! — одобрил король по-французски. — Способная ученица! КВАЛИС РЭКС, ТАЛИС ГРЭКС, ответила дама на латыни. Дескать, каков учитель, таковая ученица.

К полуночи все закончилось. Не было больше родовой деревеньки, ни сестрина приданого, ни заложеного-перезаложеного Братова-сельца, ни отпускных, ни жалованья на несколько лет вперед, ни слуг, ни брички, ни лошадей...

Попутру поставил полковник на именное золотое оружие и драгоценный камень из иностранного ордена. Хозяйка, невысокая и полная, как Наполеон, скрестила на груди руки.

— Увы, Сергей Михайлович! Есть лишь единственный способ вернуть потерянное... — Глубоко вздохнула, и полковник увидел чуть покрасневшие локотки. — Женитесь на мне.

Скажи он «нет», сделался бы, глядишь, самым молодым генералом в России. И в 1825 году, в памятное 14 декабря, бестрепетно вышел бы на Сенатскую площадь, назначенный диктатором взамен позорно уклонившегося Т-прим... Судьбы империи, как покрасневшие локтевые ямочки, расквашивались перед ним.

Сергей Михайлович предпочел отставку. Удачно выдал сестру, пышно похоронил родителей, а старший урюмец-брат удалился в свое сельцо, чистое от долгов.

Варвара Петровна произвела сына. «Первенец — всегда мальчик», — утешил супругу Сергей Михайлович. Но и второй ребенок был сын. Перед третьим случился большой перерыв — Варвара Петровна ездила к докторам и на богомолье, клятвенно заверяя Сергея Михайловича, что общая их мечта вот-вот исполнится... Родился, однако же, классик Т. В маленькой (и классической) повести «Русский мезальянс» изобразил он мелкопоместного Семена Матвеевича (почти что Сергея Михайловича, СМ), как тот укоряет Василису Петровну (ВП, из московских купчих-миллионщиц), что ты, мол, дражайшая Василий Петрович, с твоею мужеподобной натурой способна лишь деньги наживать да выпекать мальчиков.

Реальная ВП — не Василиса Петровна из повести классика, а настоящая его мать Варвара Павловна — пыталась заново привлечь мужа. Напрасно и тщетно! СМ — не Сергей Михайлович, а Семен Матвеевич из «Русского мезальянса» — окликал, вы помните, Василису Петровну, пускай шутивно, но постоянно, «дражайшая Василий Петрович».

Оставив несбыточные надежды, Варвара Петровна наняла фрейлин. То были девицы, как правило, мещанского звания и в большинстве почему-то немки. Русоволосые, сероглазые. Пышнотелые хохотуньи. И художочные жидколягие мечтательницы. Этские русалки себе на уме! Вот-де, Сергей Михайлович, ващи

ной армии конзapas... Ну, дядю и взяли с монаршим великодушным рощерком: жида Давыдку содержать хорошо. А заодно и племянника. То ли в придачу. То ли как толмача...

Пестеля повесили. Дядю отпустили в Бердичев. А племянник построился на Неве. Крестился. Поступил в Медико-хирургическую академию. Перевелся в университет. И вот — тощий, печальный, усыпанный веснушками, синеокий, с кривым и могучим носом — очутился в усадьбе.

Возникла настоятельная нужда в заграничном вояже. Варвара Павловна с доктором отправились по маршруту зарубежного похода, навещая те города и местности, что покорились некогда Сергею Михайловичу. Из Москвы в Смоленск. Из Смоленска в Вильну. Из Вильны в Варшаву. Из Варшавы в Берлин... И до самого до Парижа.

На балу или на рауте пошла к Варваре Павловне весьма моложавая местная графиня, спросила не состоит ли наша русская гостья в отдаленном родстве с полковником Сергеем Михайловичем Т.

— Я жена его...

Графиня смутилась (румянец проступил сквозь румяна), и шелкнув, как сумочкой, раскрыла грушевидный, в форме сердечка, крохотный медальон, спрятанный на груди. В помутнелом, запотевшем стекле разглядела Варвара Павловна дорогие черты — Сергей Михайлович в полковничьем мундире. Длинное, почти детское, удивленное лицо. Узкие покатые плечи.

— Как девушка... — вздохнула Варвара Павловна. — Не правда ли? — Что вы! — зарделась графиня. — Полковник, по-моему, — настоящий мужчина!

Подобную сцену (диалог) воспроизвел классик Т. в памятном «Русском мезальянсе». ВП (Василиса Петровна) с рыжим своим доктором резко отклонились на юг, в Италию, где «дражайшая Василий Петрович», как пощучивал классик, благополучно разрешилась от бремени.

Далее, согласно «Русскому мезальянсу», торжественный (торжествующий) кортеж, при докторе и кормилице, достиг родимой усадьбы, возглавляемый спеленутою малюткой женского пола, которой (малюткой) Василиса Петровна жаждала уязвить Семена Матвеевича. Да он второй уже месяц из веселого флигеля в лесной деревушке, — переселился на кладбище.

КВАЛИС ВИТА, ЭТ МОРС ИТА, — произнесла на латыни Василиса Петровна. — Какова жизнь — такова смерть.

И последний, незабываемый эпизод «Русского мезальянса»: вдова, с дочерью на коленах, застыла как статуя у могилы. Чуть сыроватая, точно подземная тишина родового склепа. Рыжая шустрая девочка беспечно лепечет:

— Папа, папа, папа...

Варвара Павловна, не в пример Василисе Петровне из произведения классика, — застала супруга в живых. Узревши блеского светлоглазого младенца, Сергей Михайлович поднялся к себе, воткнул дуло непосредственно в сердце, которое замерло от восторга, защемило от страха, жалости и неизвестности... Грянул выстрел.

Девочка проснулась и закричала. Варвара Павловна бросилась в кабинет. Пахло порохом. Сизый дым еще не развеялся. На столе валялся клочок с французским автографом: не могу. Чего именно не выдержал браваый полковник — оставалось гадать. Щедро снабдив на дорогу, Варва-

любил его, как водится, сильнее матерей.

Т-2 стремительно матерел и мужал. Тетушка не поспевала за ростом. Да и племянник выделялся с ней иначе: ловким, плоским, смеющимся, невысоким — воображаемым сыном, которым, как и супругом, не удосужилась тетюшка обзавестись.

Будущий классик, с простонародной лопатообразной внешностью, гляделся юношей в мальчишеском наряде. «Шеголь в новеньких обносках!» — автохарактеристика по знаменитой книге «Неравный брак».

Княжна и фрейлина — тетюшка никак не ожидала такой невестки. Знатную бесприданницу приняла без укора, с распростертыми объятиями...

Но бедная (т. е. богатая) воспитанница напрочь лишена родословной. Ее официальные («малодушные») предки весьма захудалого происхождения. А благородный Т в состоянии выделить приданое, но не в состоянии поделиться древней фамилией, чтобы сестра и документально была сестра.

Вот и случилось тайное венчание с внезапным свадебным путешествием в страну обетованную, на историческую родину молодой супруги.

Там, на Святой земле, и завершилась писаная история Варвары Павловны. Героиню «Неравного брака» свезли на северный тихий погост и положили рядышком с мужем, под общей могильной плитой. На сером камне четко и крупно выбито: «Полковник Т.». А чуть ниже, помельче: «Полковница Т.»

Таков, как известно, финал прославленной книги «Неравный брак».

Пересечения с реальной биографией Ивана Сергеевича Тургенева (1818—1883) и Льва Николаевича Толстого (1828—1910) ничего не доказывают и никаку не ведут. Просто в отсутствии классиков нашей фантазии как бы не на что опереться. Нам не дано воспарить в разреженном безвоздушном пространстве.

Примечания

Отец Тургенева — Сергей Николаевич (1793—1834) — полковник в отставке, участник Отечественной войны. Мать — Варвара Петровна (1787—1850) — богатая помещица.

Домашний врач — Андрей Евстафьевич Берс (1808—1868) — сын аптекаря, разоренного пожаром двенадцатого года. Окончил Московский университет, выслужил потомственное дворянство.

Внебрачный ребенок — названная в честь матери Варвара Николаевна Богданович (Богом данная), в замужестве — Житова (1833—1900), автор воспоминаний. Тургенев посвятил ей стихотворение «В. Н. Б.» (1843):

Гляжу тебе в лицо с отрадой сердцу новой —
И наглядеться я тобою не могу...
И только для тебя в душе моей суровой

И нежность и любовь я свято берегу.

Законная дочь Берса — Софья Андреевна (1844—1919) — вышла замуж за графа Льва Николаевича Толстого, который в младенчестве остался круглым сиротой на попечение Татьяны Александровны Ергольской (1794—1872), двоюродной тетки.

Справив 82-летие, тайно бежал из дому в неведомом южном направлении — не с дальним ли приездом осесть на Святой земле?.. В пути заболел и покинул сей мир на маленькой станции.

Полковник и полковница Тургеневы покоятся в Москве, на кладбище Донского монастыря